Советская культура
г. Москва
27 НОЯ 1965

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Джафар Гашумович Джафаров — доктор искусствоведения, член-корреспондент Академии наук Азербайджана, автор статей, книг о драматургии М. Ф. Ахундова, о Театре имени М. Ашурбекова. Окончив в 1937 году Московский педагогический институт, он вернулся на родину и сразу же включился в активную творческую работу. С 1940 по 1947 г. — армия, фронт, работа военного корреспондента; затем — партийная работа, университет, Академия наук, защита диссертаций. С 1947 года — секретарь ЦК КП Азербайджана.

— Удается ли вам, Джафар Гашумович, находить сейчас время для творческой работы?

— Трудновато, конечно. Года два назад я стал собирать в двухтомник свои статьи о драматургии, театре и эстетике. Он вышел в начале этого года на азербайджанском языке. На днях сдал двухтомник своих сочинений, написанных на русском языке. Материалы я отбирал скрупулезно — старался включать только те статьи, которые, на мой взгляд, и сейчас имеют значение.

И вот, отбирая материалы, отбрасывая некоторые из статей, я подумал: значит, я зря тратил на них время. Они не сохранили ни значения, ни интереса. И возникли невольно мысль: человек, будь он писателем, поэтом, драматургом или критиком, не имеет права тратить время попусту, создавая однодневки... Требования дня и однодневки — понятия разные. Статьи, отвечающие требованиям дня, остаются надолго.

Истинно художественное произведение, — я критику и считаю тоже творчеством художественным, — не может быть только сиюминутным. Все, что накоплено у нас в области литературы и искусства, — талантливые, неустаревающие произведения, то есть произведения художественные, партийные, идейные, народные. Разделить и разграничить эти понятия нельзя. Не партийное, не народное произведение не может быть признано художественным, талантливым. Оно ведь лишено главного условия художественности — правдивости.

Сейчас вся страна, весь наш народ готовится к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Мы готовимся и к 50-летию Советской власти в Азербайджане. И надо нам всем помнить об одном: нельзя проводить юбилеи формально, «сиюминутно» и только ставя галочку: от каждого юбилея обязательно должно что-то остаться.

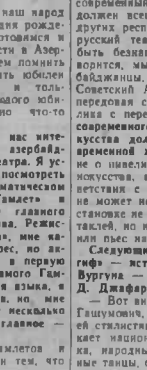
— Джафар Гашумович, нас интересуют вопросы развития азербайджанского национального театра. Я уже шла до встречи с вами посмотреть в Азербайджанском драматическом театре два спектакля: «Гамлета» «Без меня» в постановке главного режиссера Тофика Казимова. Режиссерское решение «Гамлета», мне кажется, представляет интерес, но актерски спектакль слаб. И в первую очередь я имею в виду самого Гамлета. Может быть, не зная языка, я не почувствовала нюансов, но, мне кажется, что актер играет несколько однообразно; для него главное — месть.

— Я видел много Гамлетов и всегда был неудовлетворен тем, что актер не может полностью, всесторонне раскрыть образ шекспировского героя. На нашей сцене в разное время были и печальные принцы, и бунтари. Относительно актуальности я тоже слышал не раз. В начале тридцатых годов замечательный актер Ульви Раджаб играл Отелло. И все говорили о его актуальности. Мне кажется, что здесь не актуальность, а глубина честности. И глубина мысль, содержащаяся в новом «Гамлете», — в человеческой честности. Ее отсутствие у окружающих вызывает гнев героя. Одержимость мыслью о справедливости — главное в нашем Гамлете, и отсюда — его стремление разрушить все...

У нас в театре происходит сейчас смена актерских поколений. И мы сталкиваемся с достаточно интересными процессами. Трудно сегодня довольствоваться помпезными спектаклями, воспроизводящими подробности национальных обрядов, изделий исторических деятелей, зеленчной риторикой. Актеры молодого поколения не понимают и не принимают такие пьесы и спектакли. И нам нужно внимательно, тонко и тактично воспитывать, развивать, а не ломать эстетический вкус нового поколения актеров, воспитывать его на современных и классических произведениях, учить различать истинно, глубоко национальное от внешней ложной патетики, псевдоромантизма.

— Но вот современный спектакль «Без тебя». Видно, как режиссер и актеры стараются изо всех сил спасти пьесу, которая, на мой взгляд, грешит мелодраматизмом, стремлением во что бы то ни стало «разбередить» душу зрителя, разбудить не его чувства, а его чувствительность.

— Да, пьеса может показаться банальной и, я бы сказал, «идеальной». Сюжет обычен: женится, затем разлука, и многие годы мечта о муже, о встрече с ним! Но я считаю при всем при том мысль о душевной стойкости человека в любых обстоятельствах положительной: обстоятельства могут быть различными — сложными, трагическими, более или менее драматичными. Но человек, если он человек, всегда должен оставаться самим собой, всегда оставаться Человеком в любых обстоятельствах. А это — главное в спектакле.



И повторяю еще раз: сейчас в нашем театре самое главное — воспитание у актеров вкуса и любви к современному театру, к современному искусству. Это вовсе не означает, что современный азербайджанский театр должен всецело походить на театры других республик, на современный русский театр. Искусство не может быть безнациональным. Но, как говорится, мы уже давно не те азербайджанцы, что были до революции. Советский Азербайджан сегодня — передовая социалистическая республика с передовой культурой. **Стиль современного азербайджанского искусства должен отвечать стилю современной жизни народа.** Речь идет не о нивелировке национальных черт искусства, а о развитии их в соответствии с развитием жизни. А это не может не иметь значения при постановке не только современных спектаклей, но и спектаклей классических или пьес на исторические темы.

Следующий спектакль театра «Вагиф» — историческую драму Самеда Вургуна — мы смотрим вместе с Д. Джафаровым.

— Вот видите, — говорит Джафар Гашумович, — это уже иной по своей стилистике спектакль. Вас привлекает национальный колорит, экзотика, народные песни-мугамы, народные танцы, обряды, красочное оформление, а главное, поэтически возвышенное изображение героического. Но азербайджанский театр — последовательно, десятилетие за десятилетием идет по пути развития реализма. В свое время этому немало послужила драматургия выдающегося советского писателя Азербайджана Джафара Джафарлы. Сейчас перед нами задача дальнейшего развития реализма в **«реальном искусстве».** Самед Вургун наш выдающийся поэт, драматург. И важнейшей чертой его творчества было стремление вперед, он широко, глубоко осваивал классическое наследие, но не повторял его, шел дальше.

— Но, Джафар Гашумович, нельзя не считаться с мнением зрителей. «Вагиф» — старый спектакль, давно держится в репертуаре, в зрительный зал полон и реакция зрителей бурная. В зале не смолкают аплодисменты. Можно ли не считаться со вкусами и привычками?

— Безусловно, надо считаться. Но нельзя ограничивать себя изображением старины на старинный лад.

Форма подвижна, содержательна. Национальная форма искусства всегда в движении. Закономерность ее развития в том, что чем дальше, тем больше она вбирает в себя общечеловеческое. Она всегда что-то теряет и что-то приобретает: теряет то, что уже не способно выражать приметы времени, новые черты содержания, а приобретает то, что способно выражать новые явления жизни.

Современная национальная специфика — в современной жизни народа.

Развитие искусства — всегда сложный процесс. С одной стороны, творческая интеллигенция призвана воспитывать и развивать эстетические вкусы людей — зрителей, слушателей, особенно молодых людей. С другой — сама творческая интеллигенция должна творчески расти, расширять свой кругозор, свои знания, быть на передном крае нашей идеологической работы. Задача вести за собой читателя, зрителя определена в свое время еще В. И. Лениным.

В нашем искусстве заметны сейчас две крайности. Если первая порождается известным консерватизмом, пониманием исторических, национальных традиций как раз навсегда данных, не развивающихся, то вторая при известной беспечности может принести ущербы от национальных традиций вообще. Но та, на другая крайность не принесла бы пользы развитию современного азербайджанского искусства. Задача — в смелом развитии традиций, смелом освоении классического наследия — азербайджанского и всех народов, прежде всего русского, в смелом освоении опыта современного искусства социалистического реализма.

Развитие искусства, повторяю, процесс сложный.

СЛОЖНОСТИ ДВИЖЕНИЯ...

Так, широко известны всей стране имена наших мастеров искусства. Музыкальные произведения замечательного композитора Кара Караева признаны во всем мире. Но, если честно говорить, его музыка еще не до конца и не всеми нашими азербайджанскими слушателями понята, хотя мировая известность композитора вызывает законную гордость за своего земляка. И творчество Кара Караева, порожденное процессами взаимообогащения культур, помогает развитию художественных вкусов наших слушателей.

Творчество не может быть оторвано от общего развития культуры, развития жизни, в том числе развития людей, их эстетических вкусов. Это очень хорошо сказал художник Сикейрос: «Национальное прошлое служит нам как бы для проверки того, кто мы и что мы собой представляем, и для того, чтобы знать, чем мы будем впоследствии. Я говорю о том, что надо смотреть на себя в зеркало истории нации, для того чтобы изучать себя в этом зеркале, чтобы идти дальше в соответствии с реальностью нашего времени и все время глядя вперед».

Советские люди первыми в мире свершили социалистическую революцию, строят коммунизм. В этом строительстве участвует весь советский народ. Бурно развиваются наука, техника, культура. Без широкого взгляда на жизнь нельзя иметь правильное суждение о чем бы то ни было, а подлинная широта взглядов основывается на коммунистическом мировоззрении, на чувстве пролетарского интернационализма. И тут не обойтись простым признанием этого непреложного факта. Этим положением необходимо руководствоваться в творческой практике, в многосложном деле строительства и дальнейшего развития нашей советской многонациональной культуры. Иначе если не в теории, то на практике мы будем замыкаться в узко национальных предметах.

Естественно, что вклад нации в общечеловеческую культуру определяется содержанием жизни народа. А содержание нашей жизни — социализм, строительство коммунизма. И национальная форма, соответствующая этому содержанию, не может отставать, она должна развиваться и развиваться.

Развитию художественных вкусов мешают подчас некоторые предрассудки, сила инерции. К примеру, у нас неблагополучно с подготовкой национальных актрис, балетных мастеров, вокалистов, молодые певцы нередко больше тяготеют к народным формам пения — мугамам. Это само по себе не может не радовать. Но как же нам развивать вокальное искусство? Как вести обучение в консерватории? Народные певцы пользуются большим успехом у слушателей, а классические вечера классического репертуара посещаются слабее.

Я понимаю, что насиловать вкус зрителя, слушателя нельзя. Но положиться только на постепенное, эволюционное развитие — мало. Тут необходимы активность и смелость в пропаганде не всякого «нового», а подлинно прогрессивного, коммунистического.

История нашего же государства показывает, что, в строительстве культуры необходимо решать одновременно и простейшие, и сложнейшие задачи.

В свое время в нашей стране была проведена всеобщая борьба с неграмотностью, малограмотностью, но одновременно мы создавали могучую индустрию, коллективизировали деревню, строили социализм, шли к высотам культуры и искусства, развивали марксистско-ленинскую философию. Это было трудно, но мы преодолели эти трудности.

И чтобы подлинно современное искусство прочно входило в быт, нужны не только усилия мастеров культуры, но и усилия со стороны зрителя, читателя. Это взаимосвязано.

— Все, конечно, знают, что Баку — город нефтяников, и все-таки, наверное, каждого, кто впервые приезжает в Баку, поражает, что вместо азиатского пейзажа, южной зелени нас встречает могущественный индустриальный пейзаж. Едешь с аэродрома, а вокруг, насколько видит глаз, — величественный лес нефтяных вышек, величественное нагромождение насосов, добывающих нефть, нефтеперегонные заводы. Видишь, как нефтяные вышки забрались и в море, как дымят бесконечные трубы заводов и фабрик, как подходят к причалам нефтяные суда, траулеры, пассажирские пароходы. Но Азербайджан — еще и республика хлопка, чая, виноградников, фруктов — сельскохозяйственная республика. И процент сельского населения, живущего в колхозах и совхозах проходит культурный рост, приобщение людей к искусству?

У нас на Пленуме ЦК по идеологическим вопросам много говорилось именно об этом. Больший процент населения в республике — жители села. И, к сожалению, они не всегда в одинаковом положении с жителями города, если говорить о приобщении к высокому искусству.

Писатели наши, правда, хорошо знают деревню. И пишут о ней эмоционально, живо, сочным народным языком. Этого нельзя сказать о произведениях о рабочем классе. В последних больше надуманности в описании жизненных положений и характеров. И язык произведений порой какой-то придуманный, искусственный. Но создание произведений о деревне — одно, а общее повышение ее культурного уровня — несколько иное.

Известно, что не всякое произведение о селе оказывается одновременно произведением для села. У нас есть колхозы, где культура действительно высока, но есть колхозы, где занимаются производственными вопросами с большим знанием дела, а вот о культурном обслуживании и не думают: вот-вот развалится дом культуры. В старое время деревню украшала мечеть, она служила архитектурной доминантой. А вот мне-где современные клубы находятся в плачевном состоянии. Но ведь именно они и должны быть украшением села, его культурным центром...

Разрешать эту проблему проблем — значит глубоко, по-настоящему проникнуться мыслью о подъеме культуры сельских жителей и сделать эту мысль руководством к действию. У нас есть для этого все возможности.

И еще сельская интеллигенция — врачи, учителя, агрономы — не вправе ограничивать свою деятельность узкими рамками профессиональных забот. Их призвание — делиться знаниями с односельчанами. И в процессе этой деятельности расти самим. Именно сельская интеллигенция должна определять интеллектуальный тонус современной сельской жизни. К чему допускать, чтобы поначитке «деревню» служило синонимом слова «деревенщина».

— И все же, как воспитывать зрительские, читательские массы? Как проводить партийное руководство творчеством? Тут необходимы, видимо, какие-то принципиальные позиции?

— Тактика всегда служит стратегии, а наша стратегическая цель — высокая культура, высокое искусство.

Идеологическая работа — дело живое, творческое, тонкое. Эта работа требует не только знаний, но и таланта, призвания, вкуса, она не терпит штампа и казенщины. Стиль работы определяется и качеством содержания и направлением труда, но и индивидуальными качествами людей, ведущих работу. От их дарований, образованности и вкуса зависит и стиль руководства.

Идеологическая работа не может быть достаточно эффективной, если человек, осуществляющий ее, лишен ярко выраженных индивидуальных творческих качеств, не умеет внимать и идеи пропустить через собственное «я», через собственные эмоции. Идеологическая работа должна вестись живо, с сердцем, с вдохновением. Страсть и сущность — две вещи.

Руководство искусством, как я его понимаю, должно включить и заботу о его массовости, и кропотливую заботу об особо талантливых людях. Мы об этом много говорим, все это понимаем, но не всегда на деле у нас достает практической заботы о такой многогранности. В частности, мы мало занимаемся изучением субъективных факторов развития таланта творца, художника.

И еще — человек всегда, особенно если он находится на руководящей работе, должен сохранить чувство молодости. Искусство — всегда творчество нового. В этом и заключается потенциал его развития. Чувство нового, живущее в руководителе, вызывает доверие, особенно у молодежи. Молодой человек — это естественно — стремится раскрыть свою индивидуальность. Иногда он ошибается, и тогда надо быть особенно внимательным, чутким, уметь тактично и точно направлять его силы, его талант по правильному руслу. Я не говорю об очевидных, злонамеренных попытках поставить все в искусстве с ног на голову. Это исключение, дело не в них.

Если человек призван направлять процессы развития культуры и облечен властью, надо ею пользоваться очень осторожно. Люди бывают слабы, когда попадают под «влияние» собственной власти. Авторитет в искусстве должен быть независим от занимаемого положения. Руководить искусством надо продуманно, объективно подходя к фактам творческой жизни.

— Джафар Гашумович, что вы подразумеваете под новой манерой игры, современностью стиля?

Главное, чем, с моей точки зрения, отличается современное искусство, — это особая глубина мысли. И естественно, оно обращается к думающему зрителю, мыслящему, а не только непосредственно чувством откликающемуся на происходящее на сцене.

— Но для того, чтобы постичь глубину мысли произведения и донести ее до зрителя, актеры должны быть отлично подготовлены...

— Безусловно. Поэтому я и приветствую появление на нашей сцене «Гамлета», появление еще неосвоенных, но имеющих целью глубже проникнуть во внутренний мир человека современных пьес. Это пока начало.

Театр наш постепенно освобождается от внешних атрибутов, от множества бытовых деталей, этнографичности. Это помогает больше уделять внимания психологии, жизни человеческого духа. Но термин «условность» мы привыкли относить только к оформлению. А условность проникает и в актерское исполнение. Что и определяет новую манеру игры — более лаконичную, более строгую в отборе выразительных средств, углубление в характеры, обострение и концентрированность мысли. Условность хорошо тогда, когда она служит глубокому раскрытию характеров.

— Джафар Гашумович, в какой из московских театров вы ближе, какой вы больше любите?

— Театр — коллективное искусство по своей природе. Вот, например, называют: театр Р. Симонова, театр Ю. Завадского. Но не может быть театр одного человека. Творение режиссера несет печать его творческого духа, но оно не может быть вполне самостоятельным. Режиссер творит только через актеров. Сплачивает их, направляет. Но театр, по-моему, создают актеры.

Я — за актерский театр.

Меня привлекают больше всего эстетические принципы Театра имени Евг. Вахтангова, которые заключены в органическом сочетании правды жизни и театральности.

Я сознаю, что с драматургией сейчас трудно не только в нашей республике. А без нее трудно театрам, режиссерам, трудно актерам, трудно и критикам.

Критику я считаю профессией творческой, а раз так, то и воспринимать искусство критик должен творчески.

И хотя критика — это наука, но одной логики, объективности критику мало. Нужны еще воспитание того или иного произведения должно пройти через чувства, эмоции, а затем уже складывается та или иная логически-доказательная форма. У критики должно быть отзывчивое и умное сердце. А мы, критики, частенько забываем об этом и говорим больше об идее, нежели об образе. А отсюда — преимущественное понимание театра, легкость суждений о нем.

Как человек, зритель, как критик, я имею претензии к театру не только с точки зрения драматургии, режиссуры. Я тоскую по хорошему актеру!

Беседу вела **И. МОИСЕЕНКО.**